

Вег. Москва. —
Среда, 13 ноября 1991 года

Сороковины

Я ПРИГЛАШУ НА ТАНЕЦ ПАМЯТЬ...

Игорь Тальков... Завтра сороковой день с той трагической минуты, когда ты ушел от нас.

Еще душа твоя не покинула нашу грешную землю, а о тебе столько уже написано и сказано, что, в конце концов, так никто и не поймет, каким ты был на самом деле. Не так уж и важно, скажете вы. Возможно. Но эта мысль не дает мне покоя. Вот поэтому, пока еще не поздно, хочу рассказать, каким знал тебя в последние три года. Моя смелость рискует возбудить скандал. А, быть может, разбудит в людях жалость. Будь что будет.

**Я приглашу на танец память,
И мы закружимся вдвоем.
И вместе с нами, вместе с нами
Помолодеет старый дом...**

Это слова из множества твоих песен. И говорить о тебе я хочу, как о живом. Ведь ты близок мне. В который раз ставлю кассету с этой записью и «прокручиваю» годы нашей дружбы. В ней было все: ссоры, бесконечные ночные разговоры, новые твои стихи и песни... Не было только равнодушия и предательства.

У тебя был сильный характер. Это помогало жить и на сцене, и в обществе, а не играть в жизнь, как делают многие люди. Говорили, что у тебя гордости в избытке. Согласен. Но тщеславия ни на грош. Никогда и ничего ты не требовал от друзей, все только у самого себя.

И ты создал себя сам, без посторонней помощи, только благодаря силе воли и ярости. Судьбой тебе было предопределено стать поэтом и композитором. И Ты стал им!

Радио, телевидение лишь в последние два года искали содружества с тобой. А как тебе было плохо? Разве они знали или не хотели знать это? Знали! Бог им судья. Но ты стал «звездой»...

А параллельно возникали фальшивые легенды о Талькове, на которые ты никогда не обращал внимания. Изворачиваясь, репортеры пытались добывать какие-то крохи о личной жизни Талькова. Мало того, после твоей гибели появилась

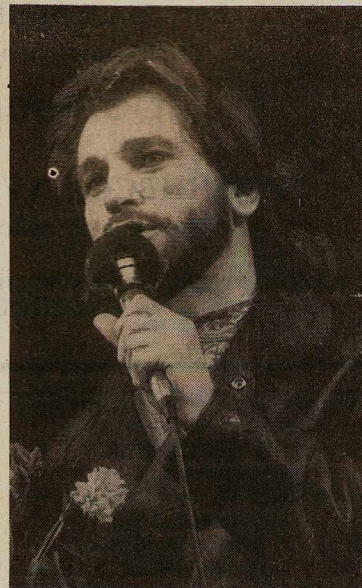
масса интервью с Тальковым, которые ты не давал. Но разве теперь это докажешь? Твое поведение в быту и на сцене муссировалось каждым на свой лад. Все слухи и домыслы неумело склеивались, и объявлялось: «Это Игорь Тальков».

Но звучала новая песня, появлялось последнее интервью, и вся искусственная конструкция рассыпалась...

Так было и с объявлением тебя чуть ли не лидером организации «Память», чуть ли не другом ее «вождей». Никогда Тальков не принадлежал к какой-либо партии или организации. Ведь это бы говорило о твоём желании следовать определенному уставу и правилам. Но ты — художник, и у тебя было одно желание творить и быть независимым. Правило Талькова — «все уставы и догмы мне противостоят».

Кое-кто из моих коллег хотел бы сделать деньги на твоей смерти. Но не опущусь до скандала, не начну писать о бездеятельности расследования, о предательстве некоторых друзей твоих. Не опущусь до такого рода склок. Мне тяжело было писать о тебе в последний месяц. А ведь мог бы. Горячая тема, пикантные подробности из рассказов свидетелей убийства и многое прочее не интересуют меня.

Главное, что должны запомнить все знающие тебя: Тальков был одним из самых самобытных художников последнего времени. Ты был не националистическим поэ-

том, а был поэтом национальным. Какой ужас, что наша российская «традиция» — это убийство поэта! И теперь эта банальность благодаря нашей истории получила статус национальной традиции. Нашей с вами традиции, уважаемые соотечественники.

У тебя есть и останется свое место в современной русской поэзии. Место не В. Высоцкого. Место — И. Талькова. И никогда такого второго уже не будет. Никогда!

...Завтра мы придем на Ваганьковское кладбище, как на поле брани, где покоятся останки убитых российских поэтов — Есенина, Высоцкого, Талькова.

Его голос теперь всегда будет звучать только соло. Мы туго раскручиваем свои мысли, чувства, и если их некому озвучивать — они остаются немymi. Ему был отпущен такой талант — озвучивать наши невнятные надрывные мысли, наши упоенно отчаянные крики. Кто пропустит наш голос? Кто сделает его внятным?

Владимир ВАХРАМОВ.
Фото Наталии САМОЙЛОВОЙ.